

DOI 10.31029/vestdnc72/5

УДК 94 (470.67) «18/19»

## СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х – НАЧАЛЕ 40-х гг. XIX в.

Д. С. Кидирниязов, ORCID: 0000-0002-9511-9092

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

---

В статье на основе использования документального материала и научной литературы показана роль Северного Кавказа в политике России, Турции, Ирана и стоявших за спиной последних западных держав в освещаемый период.

The article based on the use of documentary material and scientific literature shows the role of the North Caucasus in the politics of Russia, Turkey, Iran and, standing behind the latter, Western powers in the period covered.

Ключевые слова: Россия, Порты, Персия, Запад, Северный Кавказ, международная политика, война, мирные трактаты.

Keywords: Russia, Ports, Persia, West, North Caucasus, international politics, war, peace treaties.

В рассматриваемое время внешнеполитическая и внутренняя обстановка в регионе вновь обострилась. Это было связано с активизацией политики шахской Персии и России. Подготовка новой российско-персидской войны сопровождалась усилением наущений шахских агентов, и сопротивление северокавказских владетелей не затихало. Перенос линий на Сунжу сопровождался выступлениями чеченских, дагестанских, адыгских и других правителей.

Россия опасалась, что твердая позиция «проконсула» Кавказа ген. А.П. Ермолова по вопросу о границах может ускорить войну с Персией, и поэтому основное внимание уделяла отношениям с Портой, чтобы не воевать на два фронта одновременно. В рескрипте государя Николая I на имя ген. А.П. Ермолова от 31 января (12 февраля) 1826 г. подчеркивалось, что «ныне, когда почти все горские народы в явном против нас возмущении, когда дела в Европе, а особливо с Турциею, по важности своей заслуживают внимательнейшего наблюдения, неблагоприятно было бы помышлять о разрыве с персиянами и умножить взаимные неудовольствия. Напротив того, мы должны всемерно стараться прекратить взаимные распри и уверить их в искренности желания нашего утвердить мирные с ними связи» [1, с. 41–42].

Между тем в Иране активно велись усиленные приготовления к новой российско-персидской войне. Наследник персидского правителя Аббас-Мирза возлагал большие надежды на то, что в регионе вспыхнет всеобщее восстание против Российской империи.

Весной 1826 г. российское правительство отправило в Персию своего посланника А.С. Меншикова для переговоров о спорных территориях. Однако по прибытии в Исфаган российский дипломат был посажен под арест. А летом того же года многочисленная персидская армия без объявления войны вторглась в российские владения в Карабахе [1, с. 349–350]. Война для Петербурга была неожиданной, российские власти не успели к ней хорошо подготовиться, и потому она началась неудачно. Ряд изгнанных бывших дагестанских владетелей пытались восстановить свою власть с помощью персов. Например, в Казикумух направился Сурхай-хан. Персидское правительство не те-

---

---

ряло надежды на поддержку проирански настроенных местных правителей, особенно дагестанских, а также определенной части мусульманского духовенства, прежде всего шиитов.

Однако Сурхай-хану Казикумухскому, Умалат-беку и другим сепаратистски настроенным местным правителям не удалось поднять северокавказские народы на «священную войну». Так, в обращении тарковского шамхала к наместнику Кавказа ген. Ермолову в начале осени 1826 г. подчеркивалось: «Все жители Акуша, Дарго, Косубу и всех вообще кумыкских магалов пребывают непоколебимо верны российскому правительству» [2, с. 324–349]. Некоторые северокавказские владетели за участие в войне против персов на стороне России даже были отмечены орденами и денежными жалованьями. Например, тарковский шамхал и казикумухский владетель Аслан-хан были награждены орденами [2, с. 505].

Следует отметить, что в изучаемое время существовала практика привлечения народов региона к важным действиям на стороне России. Как отмечает отечественный исследователь В.В. Лапин, «на всем протяжении истории вхождения Кавказа к России» на стороне российских войск действовали военные формирования из числа северокавказцев. «Сначала это были отряды владетелей и “вольных” обществ, которые видели себя равноправными союзниками» [3, с. 337]. В ходе таких военных кампаний крепло боевое содружество, завязывались дружеские отношения, скрепленные общими тяготами и опасностями.

Учитывая склонность северокавказцев к военному делу, российское командование нанимало их на службу, подкрепляя материальной выгодой интерес к служению новой родине.

Активизация политики России в южном направлении в первой половине XIX в., войны с шахским Ираном и османской Турцией потребовали увеличения численности иррегулярных воинских подразделений, которые формировались из представителей северокавказских народов [3, с. 339]. Например, военным командованием привлекались на службу авторитетные представители из местных народов, которые, насколько это было возможным в тех условиях, способствовали налаживанию взаимопонимания имперской власти и ее новых подданных. Так, чеченец Бей-Булат Таймиев принимал участие в российско-османской войне 1828–1829 гг. на стороне русских и участвовал в параде по случаю взятия Эрзерума [4, с. 28–31].

Между тем персидские войска потерпели неудачу и на военных фронтах. Под Елисаветполем разыгралось решающее сражение, в результате которого иранская армия обратилась в паническое бегство. Затем российская армия возобновила наступление вглубь Ирана и, не встречая особого серьезного сопротивления, вскоре овладела г. Ардебилем. Полный военный разгром вынудил шахское правительство согласиться на все требования России [2, с. 571, 590].

Нужно отметить, что Россия также хотела быстрее заключения мирных отношений с Ираном, потому что, как уже отмечалось выше, была обеспокоена перспективой продолжения военных действий на два фронта (с шахским Ираном и султанской Турцией) [5, с. 177].

Весной 1828 г. был заключен Туркманчайский мирный договор [1, с. 144]. Согласно договору к Российской империи были присоединены Нахичеванское и Эриванское ханства. Шахская Персия гарантировала свободу русской торговли на Каспийском море и исключительное право Петербурга иметь на Каспии военный флот [6, с. 128–129, 147].

---

Персия приняла условия мирного договора, но стала чинить всяческие преграды в его исполнении в надежде на поражение России в назревавшей войне с Портой. Посол России в Тегеране А.С. Грибоедов хорошо понимал положение дел на месте, добивался смягчения требований выплаты контрибуции, но предписания российского правительства лишь ужесточали эти условия. Тогда сторонники срыва мирного трактата подготовили подстрекательства против Петербурга. Местное духовенство и шахское правительство, особенно получавший немалую субсидию от британской миссии в Персии бывший министр Фетх-Али-хана Аллаяр-хан, были главными вдохновителями и организаторами провокаций, которые в итоге повлекли за собой разгром русской миссии и убийство посла А.С. Грибоедова 30 января (11 февраля) 1829 г. [6, с. 129].

В целом итоги русско-персидской войны 1826–1828 гг. были благоприятны для северокавказских народов. Исход войны привел к дальнейшему упрочению положения Российского государства в Северо-Кавказском регионе.

Следует также указать, что заключение мирного договора с Персией изменило политическую и стратегическую ситуацию в крае в пользу Российской империи и позволило ей начать новую российско-османскую войну 1828–1829 гг. [7]. На Северном Кавказе дела российского правительства продвигались успешно, но не имели решающего значения ввиду отдаленности военных битв от столицы османов. В мае 1828 г. русские корабли и войска блокировали оплот османского султана на кавказском побережье Черного моря – крепость Анапу.

Нарушая Бухарестский мирный договор 1812 г., османы вели в регионе активную подрывную деятельность против России. Назначенный в Анапу наместником турецкого султана Хаджи-Хасан-оглу собрал представителей адыгов, живущих вблизи крепости, и потребовал от них присяги на верность османам. Хаджи-Хасан-оглу удалось расположить некоторых адыгских старшин к присяге султану, пообещав жителям, что «требовать податей с них не будет» [5, с. 123]. Однако местное население категорически отказалось признавать эту сделку своих старшин и прекратило всякие связи с османской администрацией.

Ценные подарки и деньги с письмами османского султана рассылались почти всем владельцам Северного Кавказа. Османская Турция предполагала «совершить глубокий рейд по тылам российского войска, вторгнуться в пределы с 30-тысячным войском и возмущать против русских мусульманские народы» [8, с. 743]. Однако османам не удалось реализовать этот план. Главнокомандующий на Кавказе ген.-адъютант И.Ф. Паскевич в своей докладной записке в Петербург сообщал, что «в прочих областях совершенно спокойно. Джаро-белоканцы, несколько колебавшиеся, дали новых заложников; в Дагестане не замечено никаких скопищ» [8, с. 783–784]. Вот почему особое внимание османы уделяли Дагестану. Порта не раз посылала своих эмиссаров с указами и обращениями в регион.

В одном из указов турецкого правителя Петербург обвинялся в «нарушении договоров» и в том, что российские власти «различными коварствами, ухищрениями простирают свою власть на Дагестан» и территории Северного Кавказа. Поэтому, как указывал в своем указе османский султан, все «правовверные от 12-ти до 70-ти лет должны объявить войну» против России. Кроме того, на Северо-Восточный Кавказ было послано и обращение эрзерумского наместника, в котором отмечалось, что «если сераскер получит сведения о выступлении дагестанцев на “священную войну”», то эрзерумский наместник отправит им «много халатов, казны в дары» [8, с. 506–507].

С такими же призывами турки не раз обращались к жителям Дагестана во время войны 1828–1829 гг. [9, с. 415]. Однако местное население «крайне недружелюбно» встречало султанских эмиссаров. Так, османская агитация на Кумыкской плоскости встретила решительный «отпор в лице большинства старой кумыкской администрации» [10, с. 273]. Жители равнинной и горной части Дагестана сохраняли спокойствие. Так, русские разведчики, посланные в регион весной 1828 г., докладывали, что «ни в каком обществе явных приготовлений к войне незаметно» [11, с. 94].

Однако отметим, что обращения некоторых дагестанских владетелей и священнослужителей, например, Нох-хана Казикумукского, муллы Магомеда, Умалат-бека и др., поддерживались той частью местной знати, которая в той или иной степени была недовольна действиями российской власти в крае. Так, сын Абдулла-бека Ерсинского – Заал, кайтагский правитель Байбал-бек и ряд других благосклонно относились к анти-русской пропаганде. Но весной 1828 г. сын бывшего майсума Табасарана Заал явился к российскому командованию с просьбой о помиловании, а кайтагский уцмий решительно отказался поддержать османов. После безуспешной пропаганды с антироссийскими призывами среди жителей равнинной и горной зоны Дагестана Нох-хан, сын казикумукского правителя Сурхай-хана, Умалат-бек и ряд других перенесли свои военные действия в Нагорный Дагестан. Среди местного населения они раздавали деньги и ценные подарки, привезенные из Анапы Нох-ханом [11, с. 94–95]. Но вскоре обстановка в горной зоне Дагестана изменилась. Несмотря на противодействие со стороны Нох-хана и его сторонников, аварская правительница Баху-бике, вдова Султана Ахмед-хана, решила вступить в российское подданство. В начале осени 1828 г. ханша Баху-бике приняла присягу на подданство России [11, с. 100–103].

Что же касается Джаро-Белокан, то в начале войны России с османами часть местного населения была охвачена брожением. Здесь распространялись указы османского правителя. Следует отметить, что в крае действовали не только прошахски и проосмански настроенные владетели Дагестана, но и мюриды, среди них также находился будущий первый имам Дагестана Газимагомед. В это же время к джарцам прибыл из Стамбула по пути в Дагестан и Чечню близкий родственник казикумукского правителя Арслан-хана Хаджи-Яхья с призывами, ценными подарками и деньгами, предназначенными для руководителей антироссийских выступлений на Северо-Восточном Кавказе [8, с. 441].

Вскоре из Дагестана в Порту выехала специальная делегация под руководством Али-эфенди, которая османам «дала понять, что Дагестан не хочет присоединяться к России..., местное население по-прежнему привязано с Османскому государству». Немного позже к османам были посланы также Нох-хан, Умалат-бек [8, с. 506–507, 553–554].

Через некоторое время в Дагестан поступили письма из Стамбула от Магомед-хана, сына Нох-хана, отправленного ранее к османскому правителю с просьбой о помощи. Магомед-хан, сообщая о скором приезде, призывал народы Дагестана к антироссийским выступлениям и обещал большие деньги. Вскоре джарцы вместе с небольшим числом ополченцев совершили ряд нападений в Кахетию и на российские посты. Необходимо указать, что антироссийские выступления не поддержало основное население джарцев, настроенных прорусски. Еще в июле 1828 г. ген. И.Ф. Паскевич писал в столицу, что джаро-белоканцы, колебавшие жителей Дагестана, дали новых заложников в знак лояльности к России [8, с. 441, 753–754]. Следует отметить, что в феврале 1829 г. ген. Паскевич докладывал в Петербург, что ген.-м. Раевский без применения оружия урегулировал отношения с джаро-белоканцами [12, с. 64].

Однако не все было спокойно в Джаро-Белоканах. Летом 1829 г. джарцы несколько раз совершили набеги на русские военные укрепления в Грузии. Выполнить приказ российского командования в крае вернуть военнопленных и возместить нанесенный ущерб джаро-белоканцы решительно отказались. Российское командование решило для организации военных мероприятий с джарцами подождать завершения войны с Портой.

Между тем османский сераскер обращается от имени османского правителя с воззванием «ко всем по вере братьям, живущим в Дагестане и Ширване». Он, обвиняя Россию как единственного виновника в нарушении мира, подчеркивал: российское правительство «устремилось на всеобщее истребление мухамедан». В связи с этим, считал османский сераскер, всем мусульманским народам региона «по воле халифата надлежит истребить неверных...» [8, с. 753]. «Вообще в горах кавказских, – отмечал ген. И.Ф. Паскевич в мае 1828 г., – между народами, еще нами непокоренными, и независимыми обществами рассеян слух, что с завоеванием турецкой державы соединено общее уничтожение мухаммедан... Это может произвести сильное впечатление на приверженцев веры...» [8, с. 748–749]. Османский сераскер также упоминал о пашах (наместниках) османского султана в регионе и о том, что османы «намерены произвести против русских всеобщее восстание мусульман Кавказа». Так, паша Анапы встречался почти со всеми северокавказскими владетелями. «Волнуя против России закубанские народы, – отмечал современник, – паша не забыл о Дагестане...» [8, с. 749–750]. Однако местные народы не откликнулись на призывы Порты. Так, чеченцы, за исключением Астемира с его подвижниками, отказались воевать против русских [8, с. 879–880]. Не нашли отклика воззвания османов и у многих дагестанских владетелей [8, с. 441].

Обе противоборствующие стороны (Россия и султанская Порта) старались склонить на свою сторону местные народы. Предвидя стремления Стамбула, Петербург с началом военных действий старался парализовать действия султанских эмиссаров политикой «ласканий». Так, командующему левому фланга Кавказской линии ген.-м. Эммануэлю было дано указание, что с народами Северного Кавказа «государь желал бы иметь обращение самое дружелюбное» [13, с. 248]. В конце апреля 1828 г. Е.А. Эммануэль распространил среди жителей Закубанья прокламацию, которая призывала их принять сторону русских [14, с. 751].

Взятие хорошо укрепленной султанской крепости Анапы и дальнейшие успехи русских войск произвели большое впечатление на северокавказские народы. Местное население окончательно отшатнулось от своих владетелей, которые ориентировались на османскую Порту.

Между тем феодальные верхи Карачая пытались оказывать сопротивление русским войскам, но в октябре 1828 г. карачаевские отряды были разбиты корпусом ген.-м. Е.А. Эммануэля, после чего посланники карачаевских владетелей во главе с У. Крым-Шамхаловым обратились к российским властям с прошением принять их в российское подданство [15, с. 288]. Еще раньше русские власти в регионе повторно оформили присяги от балкарских (Баксанского, Чегемского, Безингиевского, Балкарского) и осетинского (Дигорского) обществ [16].

Отметим, что первая половина 1829 г. для России была очень успешной в военных операциях. Российские войска в Закавказье взяли Эрзерум, а затем на европейском театре военных действий армия под командованием ген. И.И. Дибича взяла Адрианополь и создала серьезную угрозу главному городу султанской Турции – Стамбулу [6, с.

64]. Активное участие в победоносном завершении российско-турецкой войны принимали и представители народов Северного Кавказа. Моральная и материальная поддержка местных народов помогала российской армии одерживать победы во всех битвах. Не раз Главнокомандующий русскими войсками в регионе подчеркивал отличие в службе и храбрость местных полков и милиции, созданных из числа народов региона [8, с. 79, 813].

Что касается Персии, то она во время российско-турецкой войны соблюдала нейтралитет, несмотря на проiski англичан и Порты. В начале мая 1828 г. И.В. Паскевич указывал, что хотя официально Британия сохраняет дружественный союз с Россией, но «в газетах оппозиционная партия атакует министров за неискренность их партий» [8, с. 628].

Русский представитель в Персии, отмечая перемены в позиции иранского шаха Аббас-Мирзы, указывал, что если персы выступают на стороне османов, «то, сие без сомнения должно будет приписано англичанам, которые в настоящее время при персидском дворе в Тавризе и Тегеране имеют величайшее влияние» [8, с. 625]. Действительно, Британия энергично старалась создать антироссийский союз между шахским Ираном и Портой [5, с. 281–282].

Одна из османских ведущих газет весной 1829 г. писала, что на предложение турецкого правителя возобновить военные действия против русских иранский шах Аббас-Мирза ответил: «Сейчас Персия в союзе с Россией, но если турки возвратят Ирану сумму, оплаченную ею России, тогда Аббас-Мирза посмотрит, на что решиться» [17, с. 203].

Между тем последующие события чуть не привели к османо-персидскому союзу. В конце 1828 г. и в начале 1829 г. Персию посещает посол турецкого правителя Таиб-эфенди. За поддержку османов Ираном в предстоящей войне против России он обещал возместить уплаченную им контрибуцию и вернуть утраченные Персией земли по Туркманчайскому мирному договору. В то же время в Порте находился посол Аббас-Мирзы Мехмед-шериф Ширвани, которого также к этому склоняла Порта. Персия, опасаясь последствий убийства русского посла А.С. Грибоедова, дала согласие на заключение союза с Османской империей. Но Петербург, не желая обострения отношений с Ираном, пошел на урегулирование вопроса, связанного с убийством А.С. Грибоедова. Так безуспешно закончилась попытка Порты склонить Иран на свою сторону.

Таким образом, несмотря на интриги британской и турецкой дипломатии, обострения российско-персидских отношений не произошло [8, с. 702–747]. Следует отметить, что на иранского правителя Аббас-Мирзу отрезвляюще подействовали успехи русской армии на Кавказе. Военные мероприятия также не принесли особых успехов и Порте.

22 августа (2 сентября) 1829 г. в местечке Адрианополь между Российской и Османской империями, без вмешательства ведущих стран Запада, был подписан мирный трактат. Согласно трактату османы уступили Российскому государству на Кавказе все восточное побережье Черного моря от Анапы до порта Св. Николая [18, с. 95]. Признание Портой Северо-Западного Кавказа «вечным владением» Российской империи в результате мирного трактата означало, что Закубанье становилось частью Российского государства, а проживавшие там народы вступали в российское подданство [6, с. 147]. Османы также признавали включение в состав России Дагестана и других регионов Кавказа согласно Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому (1828 г.) трактатам.

В этот период завершился процесс присоединения к Российскому государству народов Северного Кавказа. Однако Петербургу еще не удалось полностью и повсеместно

установить свою административную власть в регионе. Поэтому Туркманчайский и Адрианопольский мирные договоры создали предпосылки для окончательного включения в состав России народов Северного Кавказа.

Царь Николай I после окончания войны России с османской Турцией писал ген.-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: «Кончив таким образом одно главное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых или истребление непокорных» [19, с. 19]. Согласно предписанию российского государя И.Ф. Паскевич приступил к «покорению» народов Северного Кавказа.

В политике российского правительства в этот период наметились серьезные сдвиги. Происходит решительный поворот к распространению в крае военно-административной власти и военно-феодальной политики, что вызвало сильное сопротивление со стороны местного населения.

После заключения Адрианопольского мирного договора упрочение позиций Петербурга в крае в основном стало делом внутренней политики. Однако политика Турции и Британии также оказывала влияние на ход событий на Северном Кавказе, где шла Кавказская война, особенно на Северо-Западном Кавказе, куда проникали османские контрабандисты и британские эмиссары, подстрекавшие повстанцев к сопротивлению.

Следует отметить, что в рассматриваемое время главным источником внешней угрозы российской политике в Северо-Кавказском регионе была Британия. Лондон рассматривал Северный Кавказ как выгодный военно-стратегический плацдарм для своей дальнейшей экспансии. В связи с этим англичане делали основную ставку на подстрекательство северокавказских народов к совершению антироссийских действий, обеспечивая их оружием и боеприпасами для продолжения Кавказской войны.

Кавказский регион интересовал Британию с точки зрения политико-стратегических интересов. Кроме того, англичане стремились к экономической эксплуатации региона. Они смотрели на Кавказ как на источник сырья и рынок сбыта товаров. В 1830 г. англичане основали «Трапезундскую торговую кампанию» для развития свободной торговли с местными народами.

В 20-е гг. XIX в. английские военные, проезжая через Кавказ, проявляли огромный интерес к российским укреплениям [5, с. 193–194]. С открытием в 1830 г. английского консульства в Трапезунде британское внешнеполитическое ведомство переходит к активной системе наступательных действий, направленных против российской администрации на Кавказе [19, с. 101].

В 1831 г. в Стамбул был направлен послом С. Каннинг, при содействии которого британское посольство становится центром антироссийской подрывной деятельности.

Россия следовала уже намеченному еще в период русско-османской войны 1808–1829 гг. курсу на сохранение султанской Турции и в 30-х гг. XIX в. не имела в отношении османов завоевательных планов. Особый комитет, созданный императором Николаем I в 1829 г., обосновал мнение правительства о том, что Петербургу выгоднее соседство ослабевшей османской Порты, чем ее распад, которыми бы непременно воспользовались противники России – западные державы, прежде всего Англия.

На политику Петербурга большое влияние оказало польское восстание в 1830 г. Даже после поражения восставших российские власти держали там крупные воинские контингенты, опасаясь ослабления своих сил на западе страны.

В 1833 г. Россия заключила конвенции с Австрией и Пруссией о сохранении границ между тремя государствами и о взаимной поддержке на случай новых революционных

потрясений, если об этом будет просить одна из трех заинтересованных сторон. Европейские дела затрудняли отправку на Кавказ больших группировок войск, а положение султанской Турции становилось все более слабым вследствие освободительной борьбы угнетенных народов.

Между тем Восточный вопрос все более обострялся. В 1833 г. власть османского султана Махмуда I оказалась на краю гибели в результате вооруженного выступления паши Египта Мехмет-Али. Последний хотел получить в управление Сирию, освободиться от власти Порты и основать свое самостоятельное государство. Франция активно поддерживала планы Мехмет-Али в надежде затем подчинить своему влиянию египтян и сирийцев. Когда в 1833 г. войска египетского паши разгромили турецкую армию в Малой Азии и двинулись на Стамбул, османы вынуждены были обратиться за помощью к России. Только после высадки с кораблей российского флота десанта в 14 тыс. человек в Ункяр-Искелесси (у входа в Босфор) египетскому паше пришлось вернуть свои войска обратно и признать свое поражение. Номинально египетский паша остался в зависимости от османов, но, получив Сирию, сохранил фактическую независимость и продолжал строить планы создания крупного мусульманского государства и распространения своего влияния даже на Кавказ, куда агенты паши Мехмет-Али стали проникать через Персию.

В 1833 г. султанская Турция заключила с Россией Ункяр-Искелесийский договор, согласно которому Петербург обещал оказывать османам помощь в случае нападений противников, а османский правитель дал обещание закрыть Дарданелльский пролив для военных судов всех других ведущих держав на семь лет [20, с. 89–92]. Таким образом, союз с Портой укреплял престиж и влияние России, расширял свободу действий российских властей на Западе, гарантировал свободу русской торговли через Черноморские проливы и не допускал высадки десанта западных государств на Черноморском побережье [1, с. 132].

Однако Черноморское побережье Северного Кавказа оставалось уязвимым. Положение здесь осложнялось попытками султанских агентов и контрабандистов помешать утверждению Петербурга на побережье между Анапой и Поти. Русское военное командование в регионе сразу после войны пыталось занять своей армией опорные пункты приморской полосы, построить цепь береговых укреплений и распространить военно-административную власть на адыгов, но встретило решительный отпор. Кроме того, указание императора Николая I Главнокомандующему русскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу иметь в виду «усмирение навсегда горских народов» натолкнулось на серьезные препятствия.

Между тем султанские агенты действовали среди северокавказцев подстрекательствами и обещаниями. Они распустили слухи о скором прибытии османских войск и возвращении им Анапы, Сухум-кале и Поти. С южного побережья Черного моря тайно привозилось оружие и порох на Северо-Западный Кавказ [21, с. 17, 19, 27]. Часть северокавказской элиты, ориентируясь на османов, побуждала местных жителей к антироссийским действиям, оказывая помощь в тайном ввозе оружия и боеприпасов, а также надеясь на большую финансовую помощь Британии. В 30-х гг. XIX в. английские лазутчики нередко появлялись в регионе.

Попытки местных владетелей и султанских эмиссаров не допустить утверждения власти Петербурга на северокавказском побережье Черного моря находили поддержки у Лондона. Британия не признавала присоединения этой территории по Адрианопольскому трактату 1829 г. на том основании, что местные народы не считали себя зависи-



мыми от османов. Ункяр-Искелесийский договор вызвал в Лондоне нападки за то, что будто российское правительство навязало султанской Турции свой «протекторат». В Британии развернулись споры о российской угрозе Индии и защите от русских Персии и Порты как государств, прикрывающих подступы к английской Индии со стороны Петербурга, хотя никаких подобных замыслов у России не было [1, с. 133].

Английское посольство в Стамбуле, особенно в лице посла Д. Уркварта, стояло за решительную поддержку местного населения против России. Д. Уркварт помогал отправке туда оружия и пороха. Агенты Лондона в регионе обманывали местное население обещаниями о присылке от турецкого султана и паши Египта большого флота и войска и о помощи британцев.

Следует отметить, что сначала население Северо-Западного Кавказа верило в обещания англичан, но затем обманывалось в своих надеждах. Занятость Лондона колониальной политикой в Индии и других странах не позволяла британскому правительству в этот период пойти на серьезный конфликт с Россией.

Однако с неофициального согласия властей Британии посол в Порте Д. Уркварт подготовил отправку на Северо-Западный Кавказ шхуны «Виксен» с грузом английского оружия и боеприпасов. Целью экспедиции было поставить под вопрос права России на северокавказское побережье Черного моря и спровоцировать английско-русский конфликт. В ноябре 1837 г. российский военный корабль захватил английскую шхуну «Виксен», без разрешения зашедшую в бухту Суджук-кале. Однако британцы уже успели выгрузить на берег две пушки, боеприпасы и порох и отправить все это в горы. Шхуна «Виксен» подверглась конфискации за нарушение таможенных и карантинных правил. Разумеется, это вызвало протесты британской печати и парламента Англии. Однако английское правительство, хотя и обошло молчанием вопрос о правах русских на черноморский берег от Анапы до Поти, вынуждено было признать законность конфискации шхуны «Виксен». Однако и после провала провокации со шхунной действия османских и английских эмиссаров в регионе продолжались [22].

Уже во второй половине 30-х гг. XIX в. экономическая слабость России и подстрекательства посольства Британии в Стамбуле привели к падению влияния России в Порте. В страну увеличивался ввоз английских товаров и даже в 1838 г. был подписан торговый договор между Англией и Турцией о снижении на них пошлин.

Между тем английское правительство уже было обеспокоено не столько северокавказскими «делами», сколько назреванием нового кризиса в османской Порте, снова поставившего на карту ее существование. Опасность для турецкого правительства исходила и на этот раз из Египта. Паша Мехмет-Али считал, что османский султан Махмуд II давно проданся «гяурам», и готовил очередной удар по Османской империи с целью объединения и децентрализации ее владений под властью арабов. В Дагестан и Чечню поступали письма паши Мехмет-Али, которыми он «наделял» имама Шамиля огромной властью [23].

В 1839 г. сам османский султан Махмуд II решил наказать мятежного египетского пашу Мехмет-Али, отправив против него свои войска, но они потерпели сокрушительное поражение. Однако султану Махмуду II оказал поддержку Лондон. Британский флот двинулся к берегам Сирии и вынудил пашу Мехмет-Али отказаться от своих планов. Французы тоже поддерживали египетского пашу, но и им пришлось отказаться от своих замыслов. В этой ситуации возобновление Ункяр-Искелесийского трактата на новый срок стало невозможным. В связи с этим в 1840 г. Петербург подписал с Брита-

нией, Ираном и Австрией Лондонскую конвенцию, согласно которой османская Турция попадала под их общее покровительство, а паша Мехмет-Али сохраняет под своим управлением Египет. Замена Ункяр-Искелесийского договора, подписанного между Россией и Османской империей в 1833 г., на Лондонскую конвенцию стала крупной неудачей политики российского правительства на Ближнем Востоке. В 1841 г. царь Николай I не без труда добился заключения новой Лондонской конвенции пяти великих держав с участием французов о том, что Черноморские проливы будут закрыты для прохода военных судов других стран в Черное море в мирное время, а в условиях войны решение зависело от воли османского султана. Тем самым османы получали право в период войны пропускать в Черное море военные корабли европейских держав для нападения на Кавказское побережье.

Между тем Англия и Франция укрепляли свои торговые и военные отношения с Портой, сближались с османами в противостоянии Российской империи. Такой курс западных держав давал перспективу свободного прохода их кораблей в Черное море в случае российско-османского военного противостояния, а это могло сильно изменить и положение на Северном Кавказе.

В начале 40-х гг. XIX в. действия английских эмиссаров и турецких контрабандистов на Северо-Западном Кавказе продолжались. Против османских судов, подвозивших оружие, порох и т.д. на северокавказское побережье Черного моря, использовались казачьи большие лодки. Они могли вплотную приблизиться к берегу и даже высаживать десантные группы для уничтожения контрабандистов и освобождения невольников. В 1844–1846 гг. было захвачено 28 османских судов. С одного из них были освобождены около 80 молодых женщин и девушек, увозимых для продажи в рабство. Кроме того, в 1847 г. к кавказскому побережью был послан английский корабль «Кенгуру» с оружием, боеприпасами и отрядом польских наемников [24].

Таким образом, в связи с напряженной внутренней и международной обстановкой российское военное командование на Кавказе в рассматриваемый период переходит к системе окружения и сокращения подвластных повстанцам территорий на Северном Кавказе, отрезая горцев от равнинной зоны и лишая их продовольствия и всего необходимого. Однако результаты этой стратегии не могли проявиться оперативно, хотя к середине 40-х гг. XIX в. высший подъем народно-освободительного движения прошел.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. 653 с.
2. Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Тифлис, 1875. Т. 6, ч. 2. 950 с.
3. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. 437 с.
4. Умаров С., Гортикова М. «Славный Бейбулат» // Приязни добрые плоды. Армавир, 2008. С. 28–31.
5. Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958. 396 с.
6. История Востока. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. 608 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 477. Л. 3.
8. АКАК. 1878. Т. 7. 994 с.
9. Кидирнязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М., 2011. 456 с.
10. Потто В.А. Кавказская война. СПб., 1885. Т. 5, вып. 2. С. 273.

11. Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1886. 547 с.
12. Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991. 80 с.
13. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. 880 с.
14. Магомадов В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI–XX в. Грозный, 2017. 400 с.
15. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. 600 с.
16. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 906.
17. Шеремет В.И. Турция и Андрианопольский мир 1829 г. М., 1984. 226 с.
18. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XIX в.). М., 1978. 434 с.
19. Дзидзария Г.А. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976. 327 с.
20. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. 296 с.
21. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов : сб. док. Тбилиси, 1953. 558 с.
22. Longworth J.A. A year among the Circassians. L., 1890. Vol. 1, 2. P. 143–144.
23. Маркова О.П. Восточный кризис и движение мюридизма // Исторические записки. М., 1953. Т. 43. С. 221–229.
24. Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн: Документы // Вопросы истории. М., 1950. № 11. С. 121–126.

Поступила в редакцию 21.01.2019 г.

Принята к печати 26.03.2019 г.